

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КНЯЖЕСКОЙ (КОРОЛЕВСКОЙ) ВЛАСТИ В ЧЕХИИ

Франтишек Граус

Вопрос о княжеской власти, ее возникновении и характере — это прежде всего вопрос об экономическом и политическом развитии того или иного народа, о классах и классовой борьбе на ранней ступени исторического развития. Как известно, В. И. Ленин в своем труде «О государстве» указывал, что «государство, как особый аппарат принуждения людей, возникло только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого»¹. Государство, пусть в самой примитивной, зачаточной его форме, было призвано служить в руках выделившихся господствующих классов орудием управления, подавления угнетенных классов, обеспечения господства над ними. Как известно, государственные формы были различными. На ранней стадии развития феодализма у европейских, в том числе и у славянских народов, как правило, возникавшие государственные образования принимали форму княжеств (королевств).

Вопрос о возникновении княжеской власти (в данном случае в Чехии) является далеко не простым. Он требует прежде всего анализа внутреннего социального развития чешского народа. Как известно, немецкая буржуазная историография пыталась доказать «неспособность» чехов на той стадии развития к образованию самостоятельного государства без помощи извне. Историки народно-демократической Чехословакии на основании документальных материалов убедительно показали ошибочность такой точки зрения.

В данной статье рассматриваются некоторые стороны этой проблемы, в частности вопросы происхождения, характера и значения власти государя, являвшиеся предметом обсуждения уже в средние века². Известно, что государственная власть, периодически приходя в столкновение с духовными и светскими феодалами, применяла в своей борьбе не только военное и политическое, но также и идеологическое оружие — от толстых научных книг до памфлетов и листовок. Вспомним хотя бы споры XI в. в связи с так называемой инвеститурой. Полемика вначале между государем и папой, затем государем и сословиями наполняла историю средневековья.

Проследить за этой полемикой невозможно, так как она увела бы нас далеко в сторону от избранной темы. Бесспорно, что средневековая проблематика находит отражение и в современной историографии. Но проблемы, обсуждавшиеся учеными в средние века, все же отступили на задний план перед новыми вопросами, выдвинутыми этапом буржуазных отношений. Поэтому для наших целей достаточно рассмотреть в основных

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 438.

² Подробнее историография этого времени будет рассмотрена в статье: Fr. G r a u s. Několik poznámek ke středověkému učení o společnosti, которую предполагается опубликовать в журнале «Československý časopis historický» (далее ČsČH), 1959, № 2.

чертах течения в историографии начиная с XVIII в., когда в исторической науке стало заметно проявляться именно буржуазное направление.

Официальные теоретики абсолютизма вели происхождение королевской власти непосредственно от бога. Они следовали средневековому учению о том, что король является «воплощением бога» (*rex imago Dei*)³ на земле, его власть в государстве неограниченна и в своих действиях он ответственен только перед богом, а не перед кем-либо из своих подданных, даже если это представители дворянства. Этой концепции в историографии XVIII в. противостояло дворянское, «сословное» направление, утверждавшее, что государь — всего лишь представитель дворянства, ибо первоначально он был таким же дворянином, как и остальные. Государь стал королем лишь после того, как его избрали, облекли своим доверием дворяне, являющиеся опорой королевской власти. Такие взгляды имели свои средневековые и даже античные корни.

Буржуазия наступала рука об руку с королевской властью (еще основоположники марксизма показали историческую необходимость данного союза) и ее идеологами. Это проявилось и в историографии. Пока буржуазия была еще слаба и зависела от королевской власти, ее идеологи нападали на дворянство. Они отстаивали теории о том, что привилегии дворянства возникли в результате узурпации; лишь в незначительной мере эти привилегии были получены от короля, в подавляющей же части дворяне добились их «противозаконно» в период безвластия, либо правления слабых королей.

Как видим, исходным пунктом такой теории было абсолютистское представление о характере королевской власти. В классовом отношении этот тезис отражал слабость и незрелость буржуазии, которая еще не отваживалась открыто выступать против дворянства, но начинала свое половинчатое наступление под прикрытием королевской власти.

Однако положение изменилось, как только буржуазия усилилась настолько, что смогла перейти к открытым и прямым атакам. Теперь в попытках объяснить возникновение королевской власти она уже не исходила из того, что король первоначально имел в своих руках всю «полноту власти» (*plenitudo potestatis*), которую частично с течением времени присвоило себе дворянство. В основу новых теорий легли утверждения о первоначальном равенстве людей в том виде, в каком с ним познакомилось человечество XVIII в. из описаний путешественников о жизни так называемых дикарей. Образ «добротного дикаря» был идеализирован. В нем (конкретно прежде всего в индейцах) усматривался идеал человека, не испорченного цивилизацией, не знающего королевской власти и дворянства. Возникновение этих институтов — теперь уже и дворянства и королевской власти — объяснялось угнетением, насилием и узурпацией со стороны отдельных лиц в ущерб обществу⁴. Новое течение все более отесняло то направление, которое видело идеал организации государства в Римской республике. И если эта идеология, как известно, сыграла еще значительную роль в период французской буржуазной революции, то в историографии она с самого начала отступила на задний план и в течение XIX в. совершенно исчезла. По утверждениям немецких буржуазных историков, древние германцы будто бы являлись идеалом верности, мужества, искренности и прямоты и лишь позднее были испорчены коварными и хитрыми итальянцами и французами. С классовой точки зрения, однако, весьма важно отметить, что при перестройке на романтический лад буржуазная теория полностью утратила свое первоначально боевое, антифеодальное направление. Она стала открытым глашатаем примирения с фео-

³ См. W. Berges. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. «Schriften des Reichsinstituts für ältere deutsche Geschichtskunde». Bd. II. Leipzig. 1938, S. 32f.

⁴ Впрочем, эти идеи имели своих предшественниц еще в средние века, когда подобные мысли также были довольно широко распространены. См. об этом указанную выше мою статью, которую предполагается опубликовать в *СсСН*, 1959, № 2.

далами, столь характерного для истории европейской буржуазии XIX века. В то время как «добрый дикарь» французской литературы XVIII в. не понимал феодального разделения общества и своей «непонятливостью» разоблачал всю бессмысленность этого порядка, «добрый германец» по новой теории не только не помышлял ни о каком «бунте», но всегда верно служил своим господам⁵. Классовый характер и назначение так называемой «исторической правовой школы» (*Historische Rechtsschule*), которую я здесь прежде всего имею в виду, общеизвестны.

Аналогично тому, как романтика создала образ «добротого германца», она породила и тип «добротого славянина», который долгое время бытовал в историографии. Но между этими двумя образами, что весьма важно, было существенное различие. Под влиянием И. Г. Гердера в течение длительного срока господствовало представление о том, что первоначальные, древние германцы являлись воинственными людьми, легко «создавали государства», были привычны к повиновению и охотно поддерживали «авторитеты». Миротлюбивые же и гостеприимные славяне якобы не знали никаких государственных авторитетов и прочных организаций. В течение XIX в. это представление, однако, было постепенно видоизменено, но многие из его первоначальных черт сохранились и в дальнейшем.

Пока речь шла о происхождении государственной власти у славян, представления о ней в различной степени варьировались. Например, для Киевской Руси большей частью принималась так называемая норманская концепция (то есть восточным славянам полностью отказывали в способности создавать государства). У чехов историки в большинстве случаев признавали некие самостоятельные зачатки власти государя, но обычно они подчеркивали влияние германцев на ее полное развитие и установление «государственных учреждений». Эта особенность заметна и в первой цельной чешской буржуазной концепции истории средних веков — «Истории» Франтишка Палацкогo (1798—1876)⁶. По представлениям этого ученогo, чехи с самого начала были «демократами», не знали никаких различий, кроме имущественных (весьма типичное буржуазное представление об «извечности» имущественного неравенства). Эта идиллия, по мнению Палацкогo, была впоследствии нарушена тем, что в XIII в. чехи переняли у немцев «феодалные порядки», то есть те учреждения и институты, которые мы затем наблюдаем в Чехии XIV века. Последующая историография обычно принимала схему Палацкогo, но постепенно ослабляла ее антинемецкую направленность, весьма заметную вначале.

Поскольку настоящая статья посвящена критике некоторых модных направлений в западногерманской историографии по вопросу о происхождении и начальном периоде княжеской власти, в мою задачу не входит изложение основополагающего вклада марксизма-ленинизма в научное решение данной проблемы, тем более, что все это известно советским читателям, так как именно советская медиевистика сделала большой шаг вперед в конкретном решении вопросов, связанных прежде всего с начальным периодом истории Киевской Руси. Я считаю необходимым лишь подчеркнуть некоторые принципиальные различия в концепциях, важные для понимания общественного значения современных теорий.

Классики марксизма раскрыли классовую основу государства и государственной власти. В. И. Ленин разработал учение о государстве. Таким образом, для историка-марксиста первейшее значение при исследовании вопроса имеет положение о классовом характере государства. Классовая функция последнего (государь рассматривается как представитель

⁵ Эту эволюцию тип «добротого дикаря» проделал, однако, не только в Германии, но, как известно, и во Франции в послереволюционный период (см. известные романы Ф. Р. де Шатобриана, 1768—1848).

⁶ Краткий обзор чешской историографии по древнейшему периоду истории см. Fr. G r a u s. *Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*. Díl. I. Praha. 1953, str. 7—39; Díl. II. Praha. 1957, str. 7—19.

класса) ⁷ является решающей, а вопросы компетенции отдельных составных частей государственного аппарата — второстепенными, хотя конкретное их изучение может существенно содействовать объяснению частностей. Это значит, что марксистская историография видит центр тяжести проблемы совсем не там, где буржуазная, которая сосредоточивает свое внимание почти исключительно на исследовании отношений между отдельными группами господствующего класса.

Следующее важное различие состоит во взглядах на происхождение неравенства между людьми. Ф. Энгельс, опираясь на данные науки о родовом обществе, в свое время ясно показал идеологические последствия такого открытия. Их поняла и буржуазная наука, и поэтому с самого начала она стала отрицать факт существования родового общества вообще. Чтобы проследить это направление, потребовалась бы специальная статья. В связи с нашей темой достаточно лишь констатировать, что в буржуазной историографии к концу XIX в. стал распространяться взгляд, согласно которому сословные различия существовали уже с самого начала истории европейских народов, было «открыто» так называемое «прадворянство» (Uradel). Социально-политический смысл данной теории понятен, и не нужно быть особенно проницательным, чтобы увидеть его.

Марксистская концепция принципиально отличается от буржуазных направлений также и тем (об этом ясно сказал еще К. Маркс), что она считает различия между германцами и славянами не первостепенным, а второстепенным фактором. Это означает, что исторический процесс определяется в первую очередь не тем, идет ли речь о германцах или о славянах, а развитием производительных сил и производственных отношений. Я обращаю внимание на этот известный факт потому, что длительное время историки пытались (и подобные попытки продолжаются и сейчас) именно в феодализме видеть некую «специфику» германцев. Только в самое последнее время буржуазная наука начинает оставлять эту концепцию, несостоятельность которой уже давно доказал К. Маркс.

Вернемся, однако, к краткому и по необходимости фрагментарному очерку эволюции взглядов буржуазной историографии на проблему возникновения и развития власти государя. Поскольку классовый характер любой государственной власти не учитывался, постольку историки считали, что вопрос о власти государя и государстве вообще может быть решен в результате изучения отдельных учреждений, их компетенции и взаимных отношений. Возникла специальная отрасль истории права, так называемая «Verfassungsgeschichte», которая должна была заниматься исследованием этой проблемы и дала в пору своего расцвета некоторые значительные труды ⁸. Вскоре, однако, при изучении источников представители этого направления натолкнулись на препятствие такого характера, которое уже нельзя было преодолеть старыми способами.

Новая проблематика была поднята в книге Ф. Керна ⁹, указавшего на тот факт, что при традиционном способе изложения некоторые средневековые институты вообще не могут быть объяснены, и доказавшего это на примере средневекового права на сопротивление государю (Widerstandsrecht), которое позволяло отдельным дворянам (а в некоторых случаях и дворянству в целом) отказывать государю в повиновении. Если при

⁷ При этом, однако, по моему мнению, необходимо избегать упрощений, нередко встречающихся у отдельных историков, которые, исходя из правильных предположений, стараются представить отдельных государей как простых «представителей» определенных общественных групп, забывая о том, что в некоторых случаях государь могли и действительно нередко играли значительную самостоятельную роль, выражая в то же время интересы господствующего класса.

⁸ Имеются в виду прежде всего крупные работы: G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. I—VIII (3. Aufl. Kiel. 1880 n.); H. Brunner—Cl. v. Scherwin. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I—II. (2. Aufl. 1906, 1928).

⁹ F. Kern. Gottesgnadentum und Widerstandsrecht im früheren Mittelalter. Zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. Leipzig. 1914.

этом соблюдались точные формальности, то средневековое право не рассматривало такой поступок в качестве «бунта», а считало его законным средством, при помощи которого дворянин мог добиться осуществления своих требований.

Ф. Керн здесь действительно встретился с явлением, которое не могло быть объяснено традиционным учением, традиционной теорией буржуазной историографии. Это явление наглядно показало, что предполагавшегося точного ограничения отдельных учреждений в средние века не существовало. Не было и разделения на общественное и частное право (и аналогично на общественный и частный секторы в средневековой жизни). Короче, стало ясно, что основы, на которых зиждилось до сих пор учение, оказались ошибочными. Керн и его последователи были, в сущности, совершенно правы, когда отвергали перенесение на средневековые представления о государстве историков XIX в., исходивших из точно определенной компетенции его отдельных составных частей. Но поскольку они не видели классовой сущности государственной власти, они не могли понять, что вследствие неразвитости отношений в средние века и противоречивости интересов отдельных феодалов, а главным образом вследствие типичной для средневековой жизни децентрализации, основывавшейся на феодальной экономике¹⁰, предполагавшееся единство права и управления не могло даже развиваться. Керн и его последователи стремились найти объяснение этому явлению в «пережитках» более древнего периода. Сам Керн различал еще два течения, которые будто бы повлияли на этот средневековый порядок: германское право сопротивления (*germanisches Widerstandsrecht*), имевшее свою основу в «германской» древности, и церковное право сопротивления (*kirchliches Widerstandsrecht*), то есть учение церкви о том, что «плохому» (понимай: непослушному церкви) владыке можно оказывать противодействие.

Как видим, теперь центр тяжести исследований переместился. Основное внимание оказалось прикованным не к вопросу об определении отдельных учреждений, а к проблеме того, какие древние «пережитки» сохранились в средневековье. Несмотря на весь интерес, который представляет данный вопрос, он остается второстепенным. В лучшем случае ответ на него может показать, какие факторы влияли на представление о королевской власти в средние века. Но его решение не может — это исключается самой постановкой вопроса — дать ответ на основную проблему, поскольку даже самым упорным защитникам теории преемственности, непрерывности должно быть ясно, что, например, между «королем» (*rex*) в «Германии» Тацита и «королем» (*rex*), скажем, XII в. имеется существенное различие. Иными словами, в то время как прежние исследователи искали — как это заметно проявилось и в новейшей буржуазной науке — решения основных вопросов на ложной дороге, новейшие исследователи оказались на «запасном пути», сосредоточив внимание, по существу, на второстепенных вопросах.

Вернемся, однако, к дальнейшей судьбе тезиса Керна и его последующему развитию. Как я уже подчеркнул, сам Керн различал два течения, которые будто бы решающим образом воздействовали на средневековые представления: германское и церковное, — причем он считал, что преобладала германская преемственность.

Дальнейшее развитие немецкой буржуазной историографии значительно продвинулось в этом направлении и постепенно почти полностью исключило влияние церкви как составную часть вопроса. В период фашизма, когда открыто проповедовался «германский культ», этот тезис, понят-

¹⁰ На раздробленность при феодализме неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма. Весьма определенно на раздробленность при феодализме и отсутствие единообразия в праве обратил внимание Ф. Энгельс в письме Шмидту от 27 октября 1890 года.

но, должен был достигнуть своего апогея. Расизм, «доказывавший» превосходство нордической германской расы, мифические «узы крови», романтическая фантазия о «германской верности», вера в авторитеты и фашистский тезис о «вождизме» (Führertum) и его роли у германцев слились воедино и были посаженными отцами новых взглядов о характере средневековой королевской власти, учения о ее так называемом «сакральном» (священном) происхождении у германцев¹¹.

Это учение исходит из утверждения, что королевская власть у германцев (как и у многих других племен) своей первоначальной основой имела не власть (или даже классовое положение) владык, а будто бы их божественное положение, их особую наследственную власть в роде, происхождение которой современники объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Согласно этим взглядам, короли являются носителями священной наследственной власти (Erbcharisma), в ней основа их высокого положения.

Как видно с первого взгляда, речь здесь идет об ультрареакционном, а по своим предпосылкам и прямо фашистском учении. Псевдонаучный характер ему придавало то обстоятельство (которое старая буржуазная историография часто не замечала), что в средневековые среды простого народа действительно существовала некая «вера в короля». Все примеры этой народной веры были теперь интерпретированы как пережитки некоего «германского представления», будто бы пережившего столетия.

Такие взгляды сформулировал Отто Гефлер¹², который хотел доказать «германскую преемственность» вплоть до наших дней¹³. Политический смысл этого направления ясно проявился прежде всего в работе О. Бруннера¹⁴, который не удовлетворился простым провозглашением «харизматической теории», а утверждал, и вполне серьезно, что отношения между государем и подданными, в сущности, определялись «германской верностью», упрекал сторонников прежней буржуазной концепции в безоружности перед марксизмом¹⁵ и закончил, что весьма показательно, прославлением Гитлера¹⁶. Эти теории получили широкое распространение в немецкой специальной литературе периода, предшествовавшего окончанию второй мировой войны¹⁷, проникнув и в обобщающий труд Г. Митайза, выдержавший несколько изданий и рассматриваемый в качестве некоего стандартного образца наряду с книгой Гебгардта¹⁸ — обширного пособия по немецкой средневековой истории.

К сожалению, подобная бессмыслица не исчезла и после окончания второй мировой войны, хотя, само собой разумеется, ныне представители таких взглядов модифицируют и подправляют свои тезисы. С одной сто-

¹¹ Обобщенное изложение развития этого направления до сих пор отсутствует. См. некоторые замечания в книге: P. Koschaker. Europa und das römische Recht (2. Aufl.). München — Berlin. 1953.

¹² См. O. Höfler. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt a. M. 1934 (2-й том не вышел); его же. Germanisches Sakralkönigtum. Bd. I. Der Runenstein von Röck und die germanische Individualweihe. Tübingen-Münster-Köln. 1952. (2-й том до сих пор не вышел). Суммарное изложение его взглядов дано в статье: O. Höfler. Das germanische Kontinuitätsproblem. «Historische Zeitschrift», 157—1938. S. 1—26.

¹³ Так, например, он вполне серьезно считает, что можно отыскать следы этих влияний и у императора Франца-Иосифа I (1848—1916). См. O. Höfler. Der Sakralcharakter des germanischen Königtums (Das Königtum — seine geistige und rechtliche Grundlagen). Lindau — Konstanz. 1956, S. 89.

¹⁴ O. Brunner. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter (Veröffentlichungen des Instituts für Geschichtsforschung und Archivwissenschaft in Wien, I, 3. Aufl. 1943).

¹⁵ O. Brunner. Указ. соч., стр. 397, прим. 1.

¹⁶ Там же, стр. 525 и сл.

¹⁷ H. Mitteis. Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnzeitalters. (1. Aufl. 1940; 5. Aufl. 1955).

¹⁸ B. Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. I. Frühzeit und Mittelalter. Herausgegeben von H. Grundmann. 8. Aufl. Stuttgart. 1954.

роны, теперь все «учение» разработано П. С. Шраммом¹⁹, который серьезно считает, что можно постигнуть сущность средневековой королевской власти путем анализа ее знаков (так называемых *insignii*), с другой стороны — К. Г. Гауком²⁰. У Шрамма германская теория, по крайней мере, отступает на задний план, хотя он и принадлежит к числу ее решительных защитников. Собственно разработка этой теории в настоящее время, разумеется в духе О. Гефлера, лежит на плечах его ученика К. Гаука.

О. Гефлер прибегал преимущественно к филологической (часто используя этимологию) и этнографической аргументации (безо всякой скрупулезности и щепетильности признавая сказания более позднего происхождения за подлинные, если они отвечали его концепции). В отличие от него Гаук более часто применял историческую аргументацию. Кроме того, он²¹ (как и некоторые другие)²² ссылался для подтверждения своих тезисов и на чешскую историю, правда, лишь мельком.

Я не могу дать здесь полный критический анализ данного направления. Хотелось бы только указать на его явно реакционный характер и проверить некоторые аспекты на примере истории средних веков в Чехии. Главная же критика должна основываться на изучении древней германской истории. Тем не менее настоящая статья, направленная на доказательство ложности попыток применения этой теории к чешской истории, в то же время может содействовать и разоблачению всего направления. В целом критика этого течения на примере европейской истории раннего феодализма будет дана мною в другом месте.

Приступая к изучению положения государя в средневековой Чехии под углом зрения намеченной проблемы, необходимо прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что решение ее сильно затруднено состоянием источников²³. Очевидно, что исследование надо начать с вопроса о том, как произошла княжеская власть. Но в письменных источниках, относившихся к концу IX и к X в., встречаются указания на наличие уже в значительной мере развитой княжеской власти и следовательно, говоря о ее начальном этапе, нам придется иметь дело с гипотезами и выводами, построенными на археологическом материале. Таким образом, наши результаты в значительной степени будут носить гипотетический характер.

Если все же анализ некоторых чешских источников позволяет прийти к определенным выводам, то это возможно по следующим причинам. В хронике Козьмы Пражского сохранилось предание о возникновении княжеской власти в Чехии, относящееся по меньшей мере к началу XII века. Эта версия — одна из старейших в европейском масштабе²⁴.

¹⁹ См. P. S. Schramm. *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. «Schriften der Monumenta Germaniae historica», XIII, 1—3. Stuttgart. 1954—1956.

²⁰ В особенности: K. Hauk. *Geblütsheiligkeit*. (Liber Floridus. *Mittellateinische Studien*. Paul Lehmann zum 65. Geburtstag. St. Ottilien. 1950, S. 187—240); его же. *Lebensnormen und Kultmythen in germanischen Stammes- und Herrschergenealogien*. «*Saeculum*». VI. 1955, S. 188—223; его же. *Herrschaftszeichen eines Wodanistischen Königturns*. «*Jahrbuch für fränkische Landesforschung*». 1954, S. 9—66.

²¹ См., например, K. Hauk. *Geblütsheiligkeit*, S. 206.

²² См., например, W. Wegener. *Die Lanze des heiligen Wenzel. Ein Versuch zur Geschichte der mittelalterlichen Herrschaftszeichen*. (ZRG. Germ. Abt. 72—1955, S. 56—81).

²³ Обзор источников по этому периоду см.: F. Graus. *Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*. Díl. I, str. 50—90.

²⁴ Очень древними, разумеется, являются отдельные «королевские предания», посвященные судьбам некоторых легендарных королей. С этой точки зрения чешские сказания заслуживают внимания потому, что они стремятся описать происхождение княжеской власти в Чехии вообще, а не только воцарение какого-либо определенного государя.

В период с XII по XIV в. действительно наблюдается в чешских источниках заметное стремление придать княжеской (а позднее королевской) власти некий священный, сакральный характер. В связи с этим возникает вопрос, как появилось такое стремление и чем оно подкреплялось. И в Чехии существовала народная вера в короля. Однако по сравнению с большинством остальных средневековых государств она не играла такой роли в революционном, особенно гуситском, движении, как в других странах. Эти факты оправдывают исследование выдвинутой проблемы, заставляя, однако, отказаться от строгой хронологической последовательности и изучать отдельные ее стороны в том порядке, в каком они отразились в наших источниках.

В развитой форме²⁵ чешское предание о королях мы встречаем в хронике Козьмы Пражского²⁶. Автор сообщает, что в безлюдную, но плодородную страну однажды пришел Чех со своей дружиной и со своими божками (о причинах передвижения Козьма умалчивает). Он поднялся на гору Ржип, осмотрел страну и решил поселиться здесь со своими слугниками. В знак благодарности страну назвали после его смерти Чехией²⁷ (I, 2).

Первоначально жители ее жили скромно и честно, не знали частного имущества, обходились без судей и старост; споры решались наиболее почитаемыми в племени мужами²⁸. Между ними особенно выделялся Крок, так что вскоре к нему стали приходить мужи со всей страны, чтобы он рассудил их. У Крока были три дочери, мудростью своей не уступавшие самым опытным мужам (I, 3). Старшую звали Кази, она знала лечебные свойства растений и умела применять их. Средняя — Тетка — научила людей суевериям и идолопоклонству²⁹. Младшая, самая мудрая, именовалась Либуше. Она была целомудренна и благородна и заслуживала упрека лишь в том, что являлась язычницей-прорицательницей, которая, впрочем, нередко правильно предсказывала будущее. После смерти отца ее сделали судьей над всем народом³⁰.

Но однажды между двумя знатными и богатыми мужами возник жаркий спор о границах их поля. Спорщики пришли к Либуше, и она рассудила их по праву и справедливости. Но тот, кто проиграл в споре, грубо оскорбил Либуше, отрицая за ней право быть судьей над мужчинами и горько сожалея о чехах, которыми управляет женщина. Либуше, оскорбленная, не дала, однако, волю чувству и, узнав, что народ требует «сильную руку», обещала взять себе в мужья того, кого выберет сам народ на следующий день своим господином. Ночью Либуше держала совет со

²⁵ В самой краткой версии сказание сохранилось в легенде *Diffundente sole*, с. 4, очевидно, еще от X в. (Издано В. Халоупецким: *Prameny X. století. Legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile*. «Svatovaclavský sborník», II—2. Praha. 1939, str. 489). Более подробным является описание у так называемого *Kristiána*, с. 2 (издание И. Пекаржем: *Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians*. Praha. 1906, str. 91—92). Датировка *Kristiána* до сих пор еще спорна. Я склоняюсь к мнению, что он относится к X веку. Важный вариант так называемой *Беддецкой* рукописи опубликовал Я. Людвиковский («*Naše věda*». XXVII — 1950, str. 167).

²⁶ Наилучшим изданием хроники Козьмы Пражского до сих пор является издание Б. Бретгольца в «*Monumenta Germaniae historica, Scriptorum rerum Germanicarum*». Nova series. II. Berlin. 1923 (далее «*Monumenta...*»).

²⁷ Козьма здесь следует широко распространенному в средние века приему — придумывать по названию племени лиц, носящих то же имя (*heros eponimus*).

²⁸ Как уже неоднократно отмечалось в литературе, описание Козьмы здесь составлено под влиянием представлений о «золотом веке».

²⁹ В данном случае проявилось одно из многих противоречий, содержащихся в изложении Козьмы (см. далее); идолы упомянуты по античному образцу уже у Чеха, в данном же случае введение идолов связано — по христианскому образцу — с одной особой, которая «совратила» народ.

³⁰ В рассказе о судейской деятельности Либуше нельзя, по моему мнению, усматривать какое-либо влияние матриархата, поскольку ей как судье предшествовали Чех и Крок, то есть мужчины.

своими сестрами-чародейками; о чем договорились они, осталось точно не известным, но результат виден по следующим словам: «Кто бы подумал, что себе в князя они призовут от плуга?» (I, 4) ³¹.

На другой день Либуше объявила народу, что в дальнейшем будет представлять из себя княжеская власть. Ввиду важности этого места хроники, цитирую его дословно: «Прежде всего легко князя посадить, но трудно посаженного сместить. Потому что в данный момент в вашей власти, возвысить его в князя или нет; но как только он будет возвышен, вы и все, что вы имеете, будет в его власти. Пред ним будут трястись, как в лихорадке, ваши колена и онемевший язык прильнет к небу. На его голос вы будете отвечать в великом страхе так: «Да, господин, да, господин», — когда он простым кивком головы, без вашего мнения, того осудит, другого велит убить, одного прикажет посадить в тюрьму, другого — повесить на виселице. Одних из вас и из ваших, кого он пожелает, он сделает слугами, других крестьянами, одних плательщиками, других сборщиками налогов, одних палачами, других старостами, одних поварами, других пекарями, мельниками. Назначит он для себя и полковников, сотников, приказчиков, возделывателей виноградников и полей, а также жнецов, кузнецов оружия, кожевников и сапожников. Ваших сыновей и дочерей он призовет к себе на службу, а из вашего скота, из коней и кобыл либо коров возьмет себе по своему вкусу самое лучшее. Все, что вы имеете лучшего в деревнях, на полях, пашнях, лугах и в виноградниках, он возьмет себе на пользу» ³². Но «простой народ» (*vulgus ignobile*) настойчиво продолжал требовать себе князя. После этого Либуше отрядила послов в деревню Стадице, сказав: там Пржемысл с двумя пестрыми быками пашет пар. Это новый князь (I, 5).

Когда послы стали колебаться, медлить, так как не знали дороги, Либуше велела им следовать за ее конем, который мог указать им путь (злые языки утверждали, что конь хорошо знал дорогу по тайным ночным поездкам Либуше в Стадице). Когда послы пришли в Стадице, они нашли там Пржемысла, пахавшего на волах. Послы сообщили ему о новом сане. Тут Пржемысл воткнул в землю кнут, которым он погонял волов, и послал волов туда, «откуда они пришли». Волы тотчас исчезли, и никто никогда больше их не видел. А кнут, который Пржемысл воткнул в землю, дал три побега с листьями и орехами ³³. Две ветви вскоре засохли, а одна все росла и крепла. Удивленным послам (которых Пржемысл угостил заплесневелым хлебом из лыковой сумки) он заметил, что побеги символизируют пржемыслов род. Ради Либуше всегда будет господствовать только один из Пржемысловичей (I, 6).

Затем Пржемысла, уже в княжеском одеянии, посадили на коня. Но, хорошо помня свое происхождение, он взял с собою лапти и велел их сохранить на будущее (еще при Козьме они хранились в Вышеграде). На вопрос, почему Пржемысл так поступает, князь ответил, что сделал так потому, чтобы его преемники «людей, им от бога доверенных, несправедливо не притесняли из высокомерия» ³⁴ и запомнили, что все люди от природы равны ³⁵. Козьма вкладывает далее в уста Пржемысла суждения об изменчивости счастья; все эти сентенции были обычными в средневековой

³¹ «Monumenta...», стр. 13; «*Quis enim crederet, quod de aratro sibi ducem prerogarent?*».

³² «Monumenta...», стр. 14. Козьма здесь просто пересказал речь Самуила из библии (1. Sam., с. 8, 11-17). (Сравни: F. G r a u s. *Dějiny venkovského lidu v době předhusické* D. I, str. 264 n.).

³³ Речь идет о варианте из агнографической литературы о быстро выросшей ветви. Насколько мне, однако, известно, этого варианта в легендах не встречается.

³⁴ «Monumenta...», стр. 17: «*neu homines a Deo sibi commissos iniuste opprimant*». И эту «речь» Козьма вкладывает в уста язычника!

³⁵ Там же, стр. 18: «*quia facti sumus omnea equales per naturam*».

литературе, откуда и черпал их Козьма (I, 7). Собственно описание происхождения Пржемысловичей заканчивается утверждением, что «этот муж, который поистине за свое мужество заслуживает называться мужем, опутал при помощи законов наше необузданное племя, укротил при помощи силы неукротенный народ и превратил в зависимое состояние, которое его и ныне тяготит, а также издал все права, по которым наша земля управляется, сам, со своей Либуше» (I, 8)³⁶.

В начале следующей главы Козьма еще раз упоминает о том, как Либуше предсказала основание Праги и ее будущее³⁷.

Я намеренно подробно изложил содержание сказания о Пржемысле, полагая, что текст его многим неизвестен. Из остальных народных сказаний, передаваемых Козьмой, упомяну только те, в которых так или иначе характеризуется княжеская власть. Здесь необходимо привести прежде всего характеристику, какую Козьма дает преемникам Пржемысла (I, 9). По его словам, они «предавались обжорству и спянию, были невоспитанны и необучены и уподоблялись скоту, так что поистине противестественно тело было им для роскоши, а душа в тягость»³⁸. Следует сказать и о явно отрицательной характеристике князя Неклана (I,12), который изображен трусом³⁹, заставлявшим других воевать за себя.

От предыдущих сказаний по своему характеру отличается излагаемое Козьмой предание, относящееся к самому концу мифологического периода (I, 13). В борьбе чехов с врагами был взят в плен малолетний сын лучанского князя Властислава, павшего в бою. Чешский князь, охваченный милосердием, выстроил ему замок и оставил с ним его старого воспитателя Дурынка. Но Дурынк был «человеком не по-человечески преступным, из худших самый плохой и самый жестокий из всех хищников» (*excedens hominem scelere vir pessimio peior et omni belua crudelior*). Он совершил жестокое преступление, осуществив «подлость, которую уже давно в злом уме и злом сердце замышлял против жизни своего господина»⁴⁰. Он выманил ребенка на замерзший пруд и, показывая ему рыбу, плававшую подо льдом, коварно убил его. Дурынк, «хуже отцеубийцы» (*plus quam patricida*), отрезал у своего господина голову и отнес ее князю в пражский град, похваляясь своим деянием и уверяя князя, что отныне тот может спать спокойно и не опасаться того, что молодой князь когда-нибудь отомстит за смерть отца своего. Но «ужаснулся князь, сердца старцев задрожали, забушевал взволнованный ропот. И отвернулся князь от проклятого дара и открыл уста, чтобы произнести такую речь: «Прочь с очей моих с этим твоим даром, ты, жалкий подлец! Твои преступления превышают всякую меру и прощение и не находят соответствующего отмщения. Для такого преступления нельзя придумать ни достойного осуждения, ни соответствующего наказания. Неужели ты думаешь, что если бы я захотел, то не мог бы сделать того, что сделал ты? Я мог убить своего врага, но ты — никогда своего господина. Грех, который ты совершил, больше того, что можно назвать грехом. Воистину тот, кто умертвил бы тебя или осудил на смерть, совершил бы не один, а двойной грех, потому что за двойной этот грех, что был бы ты умерщвлен и что ты убил господина, он свершил бы тройной грех. Но если ты и далее требуешь от нас какого-либо возмездия, знай, что дарую в качестве великой награды возможность выбрать из трех смертей одну, какую захочешь: спрыгнуть вниз головой с высокой скалы, либо на каком-либо дереве своими руками по-

³⁶ Там же.

³⁷ Снова обращает на себя внимание то обстоятельство, что Козьма вкладывает в уста языческой прорицательницы предсказание о двух христианских святых (!) — Вацлаве и Войтехе.

³⁸ «Monumenta...», стр. 21.

³⁹ Там же, стр. 26.

⁴⁰ Там же, стр. 30.

веситься, либо преступную жизнь свою покончить своим мечом»⁴¹. Дурынк впоследствии повесился⁴².

Этим преданием Козьма завершает рассказ о легендарном веке и 14-й главой первой книги начинает собственно историю Чехии, описывая первого христианского князя Борживоя. Но мы не пойдем дальше этого изложения и посмотрим, как в чешских сказаниях охарактеризована княжеская власть и нельзя ли найти здесь следы каких-либо «харизматических представлений». В жизнеописаниях перед нами ясно вырисовываются три части: сказание о Либуше и Пржемысле, миф о преемниках Пржемысла и, наконец, предание о Дурынке. Рассмотрим их.

Козьма с его изображением чешской «старины» возбудил значительное внимание в историографии⁴³, но мнения историков относительно достоверности приводимых им сведений диаметрально разошлись. На одной стороне выступили ученые, которые готовы были (исходя из романтических взглядов и предрассудков) поверить в некое «историческое ядро» легенд⁴⁴ и прежде всего отстаивали ту точку зрения, что Козьма в своей хронике сохранил для нас реальные народные сказания. Другую точку зрения защищали историки, предполагавшие, что Козьма сочинил жизнеописания князей (полностью или частично); они, не колеблясь, называли его фальсификатором⁴⁵, поскольку он-де выдавал собственные вымыслы за творчество «стариков», которых также выдумал.

Каково же состояние этой проблемы в настоящее время?

Теперь уже никто не пытается искать в сказаниях некое «историческое ядро», отражение действительных исторических событий. И Зд. Неedly, который считает, что Козьма сохранил подлинные народные сказания, указывает на невозможность восстановить на основе сказаний какие-либо конкретные исторические события. Бесспорно, что со стороны вещественных фактов некоторые сведения Козьмы оказываются ложными. Так, археология доказывает несостоятельность представления о приходе чехов в безлюдную страну. Что же касается попыток идентифицировать персонажи жизнеописаний князей с историческими личностями, то они печально провалились.

Более сложным и до сих пор не полностью объясненным является вопрос, носят ли предания народный характер, или они обязаны своим возникновением фантазии Козьмы. Для решения этого вопроса необходимо заняться исследованием форм и функций сказаний.

Совершенно исключено, что в той форме, в какой сказание передано Козьмой, рассказ о Либуше и Пржемысле мог являться народным. Уже с беглого взгляда легко убедиться в том, что выражения, присущие преданиям, Козьма заимствовал у античных поэтов и из библии. Вряд ли кто-либо станет утверждать, что эта форма, которая скорее свидетельствует об «учености» Козьмы, была народная. Я уже обращал внимание, излагая содержание жизнеописаний князей, на то, что в рассказе Козьмы встречаются христианские понятия, которые совершенно несовместимы с описанием языческого периода. Эти черты, присущие изложению священника, вряд ли могут иметь место в языческой легенде. Козьма пользуется при изображении языческого периода (и «золотого века») также явно феодально-ленной терминологией. Если хотя бы бегло заглянуть в при-

⁴¹ Там же, стр. 31.

⁴² Сравни библейское сказание, согласно которому повесился и Иуда Искариотский.

⁴³ Краткий обзор литературы смотри в книге: F. Gaus. Dějiny venkovského lidu. Díl. I, exkurs I, str. 277 п.

⁴⁴ Далее всех в этом направлении зашел Г. Шрейер, который отождествил легендарного Пржемысла с Само. См. H. Schreuer. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte der böhmischen Sagenzeit. «Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen». Herausgeber G. Schmoller. XX—4. Leipzig. 1902.

⁴⁵ Наиболее типично в статье А. Брюкнера. См. A. Brückner. Moudrá Libuše — mužem. «Naše doba». XI—1904, str. 660—664, 818—826.

мечания к критическому изданию, то не останется никаких сомнений в том, что форма жизнеописаний, в какой их преподносит Козьма, не может быть народной. Впрочем, сказанное относится не только к форме.

Классовый смысл сказания о Пржемысле в версии Козьмы можно выразить примерно так: народ обходился первоначально без государя и точных законов и жил в целом счастливо до тех пор, пока по собственному недомыслию не пожелал князя. Князь «укротил» народ и «поставил его в зависимое положение, от которого он и ныне страдает»⁴⁶. Короче, в своем угнетении повинен сам народ. Он сам захотел быть покоренным и получил то, чего желал в своем безрассудстве и в своей надменности. Однако это содержание не народного, а явно антинародного сказания. То, о чем читаем мы здесь, представляет собой по классовому смыслу феодальную (либо «феодализованную») легенду.

Означает ли это, что Козьма сочинил всю легенду? Думаю, что нет. И прежде всего потому, что версия Козьмы изобилует противоречиями, которых в других местах его хроники мы не встретим.

Наиболее заметны, например, противоречия в четвертой главе первой книги, при описании Либуше. В одних случаях она изображается в качестве чистой и целомудренной, украшения женского рода, в других (на суде) — распутной женщиной: муж, проигравший спор, определенно не считал ее целомудренной, а Либуше ему не возразила⁴⁷. Если добавить к сказанному еще «наговор», который Козьма поместил в шестой главе книги (конь Либуше знал дорогу по ночным поездкам к Пржемыслу), то создается впечатление, будто здесь изображены две Либуше. Такие же противоречия встречаются и при описании воцарения Пржемысла. С одной стороны, Либуше будто бы предоставляет народу право избрать князя⁴⁸ (послы сообщили Пржемыслу, что они его избрали), с другой — она точно указывает будущего князя⁴⁹ (то есть ею, а не народом, избран Пржемысл) и место, где его можно найти. Мало того, в то время как начальная часть описания построена на том, что Либуше была принуждена призвать Пржемысла, сам Пржемысл заявил послам, что инициатива исходила от Либуше⁵⁰.

Противоречия здесь настолько очевидны, что полностью исключают предположение о сочинении легенды самим Козьмой. В чистом вымысле нельзя встретить таких серьезных противоречий, и, действительно, в остальных частях хроники, где приводится собственное описание Козьмы, их нет. Ключ к решению задачи открывают те места хроники, которые указывают на то, что противоречия возникли в результате использования в преданиях более древних сказаний⁵¹. И в самих легендах текст Козьмы заставляет предположить, что он обработал более древние предания, сократив и адаптировав их, в результате чего и возникли противоречия.

В таком выводе нас убеждают еще два обстоятельства: 1. Тот бесспорный факт, что в жизнеописаниях князей встречаются элементы ми-

⁴⁶ Ср. «Monumenta...», стр. 18.

⁴⁷ Козьма пишет, что Либуше возлежит в суде «ut est lasciva mollicies mulierum, quando non habet quem timeat virum» («Monumenta...», стр. 11). Муж называет ее «femina rimosa», а Либуше сама утверждала: «femina sum, femina vivo» (там же, стр. 12).

⁴⁸ I, 4. «Monumenta...», стр. 12: «Ite nunc domum, ut que vos cras eligatis in dominum, ego assumam mihi in maritum».

⁴⁹ I, 4—5.

⁵⁰ I, 6 (там же, стр. 17); «Si doma vestra non adeo de hac re festinaret».

⁵¹ Так, в предложении I, 3 (там же, стр. 8) одновременно утверждается, что воровство у древних чехов было неизвестно и что оно считалось самым тяжким грехом. Противоречие возникло в результате переписывания более древнего сказания (см. прим. 5 на стр. 8 издания Бретгольца). Аналогичным путем сложилось и другое противоречие: в одном месте (I, 2, стр. 7) говорится, что праотец Чех пришел в страну уже с божками, в другом (I, 4, стр. 10) — введение идолов приписывается сестре Либуше Тетке.

фов⁵² (к ним следует отнести рассказ о волах Пржемысла, которые исчезают бесследно, ночные поездки Либуше⁵³ и многие другие примеры); 2. Схема всего жизнеописания, не отвечающая христианским представлениям, которые определено были присущи священнику Козьме. Эта схема должна была бы иметь в центре внимания принятие христианства.

Все приведенные факты заставляют нас прийти к заключению, что Козьма обработал народные сказания, а кое-где, несомненно, и переделал их. Пытаться восстанавливать «первоначальные» сказания, их «народную» форму при абсолютном недостатке критериев — напрасная трата времени, поскольку каждая такая реконструкция целиком зависит от произвола историка. При изучении вопроса о характере княжеской власти в Чехии мы вынуждены исходить из версии Козьмы, но необходимо постоянно помнить, что это сложная в литературном отношении и обработанная версия.

Если поближе присмотреться к первому жизнеописанию Пржемысла, то легко установить, что в нем нет ни малейших следов «харизмата». Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что в легенде ни слова не говорится о происхождении Пржемысла. Не дает она сведений и о его предках. Известно лишь, что Пржемысл был «пахарем». Столь определенная характеристика встречается, впрочем, только у Козьмы. Две другие версии, явно более древние, «Diffundente sole»⁵⁴ и «Kristian»⁵⁵, лишены ее. Казалось бы отсюда, что «пахарь» — это только вымысел Козьмы и здесь скрывается даже некая антипржемысловская тенденция⁵⁶. Однако этому противоречат несколько фактов: 1) Известно, что самое имя Пржемысл появилось в княжеском роде только в XII веке. Трудно представить, чтобы Пржемысловичи стали употреблять имя легендарного основателя рода лишь после того, как легенда приобрела антипржемысловский характер. 2) Представление о Пржемысле как пахаре засвидетельствовано уже в начале XII в. и, помимо Козьмы, в известном цикле фресок в Зноемской ротонде⁵⁷. 3) Хроника Козьмы пронизана прокняжеской тенденцией, и трудно представить, чтобы автор, который во всем труде выступает в качестве защитника Пржемысловичей, сам сочинил бы в жизнеописании антидинастичную версию.

Как возникло представление о «пахаре», ныне уже нельзя установить. Тут могли сыграть роль и античные реминисценции о блаженном времени, когда государи еще сами пахали⁵⁸, и легенды, соединяющие решающие прогрессивные шаги в развитии человечества с каким-либо именем. Подобные соображения можно было бы продолжить. Но все эти рассуждения не ведут ни к какому положительному итогу. Для целей данной статьи достаточно установить, что в жизнеописании Пржемысла нет и следа каких-либо «харизматических представлений» и что версия Козьмы, без сомнения, не является первоначальной.

⁵² На элементы мифологии обратил внимание еще в 1857 г. А. Гутшмид (A. v. Gutschmid. Kritik der polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek. AOG XVII, s. 321—322). Попытка реконструировать весь чешский «пантеон» по Козьме сделана в дилетантской в целом книге З. Календра (Z. Kalandr. České pohánství. Praha. 1947), которую нельзя принимать всерьез.

⁵³ К этому прямо побуждает выражение «equitatu phantasmatico» (I, 6, стр. 15).
⁵⁴ С. 4. ed. V. Chaloupecký. Prameny X. století. Legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile. «Svatováclavský sborník». II—2. Praha. 1939, str. 489.

⁵⁵ С. 2; ed. J. Pekař. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Praha. 1906, S. 91—92. J. Ludvikovský. «Naše veda», XXVII. 1950, str. 167.

⁵⁶ Предположение В. Халоупецкого. См. указ. соч., стр. 175, 317—318, 386—389, а также его же. Přemyslovská pověst a Kristián. «Český časopis historický». 1938, str. 327—328.

⁵⁷ См. из последних работ: J. Mašín. Románská nástěnná malba v Kapli sv. Kateřiny ve Znojme. «Umění». 1953, str. 31—41; J. Rampula. Latinský nápis v rotundě sv. Kateřiny ve Znojme. «Zprávy pam. péče». 1953, str. 54—57.

⁵⁸ Plinius Hist. natur. XVIII, 4: «Quenam ergo tantae ubertatis causa erat? Ipsorum tunc manibus imperatorum colebantur agri». О других параллелях см. статьи V. Tille.

Мы окажемся на более твердой почве, если поставим вопрос о том, какой отклик нашла легенда о Пржемысле в последующие века. Развитие феодальных представлений можно проследить как по различным версиям хроник⁵⁹, так и по конкретной реакции феодалов на эту легенду. Например, так называемый Далимил сетовал в начале XIV в. по поводу того, что Вацлав I выгнал из Стадице старых «наследников» и заселил деревню немецкими колонистами⁶⁰. В том же столетии, сообщал хроникер⁶¹, по истреблении Пржемысловичей, когда Тобиаш из Бехине, насмехаясь, предложил чешским феодалам избрать себе короля из крестьян деревни Стадице, они убили его. Хотя жизнеописание Пржемысла-пахаря было общеизвестно, оно, очевидно, не слишком приходилось по вкусу феодалам.

Но сказание, по-видимому, не было и народным. Об этом безошибочно свидетельствуют следующие факты. С именем Пржемысла не было связано народное представление о том, что государь когда-нибудь вернется и восстановит порядок⁶² (это понятно в предании, согласно которому Пржемысл «укротил» народ); на всем своем протяжении сказание почти не изменяется и не обогащается — явление, типичное в литературно обработанных преданиях; нет никаких доказательств того, что в период феодализма предание действительно имело хождение в народе. «Народным» оно стало лишь у романтиков⁶³.

Но здесь уже надо упомянуть о двух обстоятельствах, важных для средневекового понятия о короле: так называемые «династические чувства» и народная вера в государя. Династическое понимание⁶⁴, жизненность которого заметно проявилась после истребления Пржемысловичей (1306). Объяснимо феодальными представлениями о том, что государство является «наследством» определенного рода, подобно тому, как наследственны другие владения. Это толкование объяснимо также пробуждавшимся в средние века национальным чувством. Представление о наследственности династии не является особенностью лишь чешского средневековья. С ним мы встречаемся во всех странах (оно типично, впрочем, не только для средневековья: люди той эпохи, например, хорошо знали о нем из Ветхого завета). Не является особенностью и вера народа в короля⁶⁵, которая основывалась на том, что человек средневековья, не понимая классовый природы власти государя, замечал, что последний не раз вступал в споры с дворянами, и готов был видеть в государе «защитника права», укрощавшего высокомерных феодалов. Все это также не было чешской спецификой.

Определенный рубеж в понимании королевской власти в Чехии представляет правление Карла IV (1346—1378). Карл всемерно стремился усилить свою власть и окружить особу короля священным ореолом⁶⁶. В своих попытках он исходил из древнего церковного учения, которое старалось усилить авторитет государя⁶⁷ и нашло отражение у чехов в хроник-

⁵⁹ V. Tille. Přemysl Oráč. «Časopis pro dějiny venkova». XV. 1928, str. 81—111.

⁶⁰ С. 81 «Fontes rerum bohemicorum» (далее — FRB). III, p. 171.

⁶¹ Beneš Krabice z Veitmile (FRB, IV, str. 465).

⁶² О королях в Чехии см. R. Urbanek. K české pověsti královské. «Časopis společnosti přátel starožitnosti» 1915—1918, t. 23—26.

⁶³ Совершенно ошибочным было бы по распространению легенд в XIX в. судить об их «древней распространенности». О том, насколько быстро становились широко известными сказания, открытые историками, выразительно свидетельствует описание Ф. Палацкого (Fr. Palacký. Würdigung der alten böhmischen Geschichtsschreibers Prag. 1830, S. 111—112).

⁶⁴ Нам кажется, однако, что это «династическое понимание» — более позднего происхождения. Об этом, в частности, свидетельствуют рассказ Козьмы о роде Вршовичей (I, 34) и более древние упоминания о Славниковичах, которых, по-видимому, считали столь же способными к управлению, как и Пржемысловичей.

⁶⁵ См. Fr. Gauss. Указ. соч. Т. II, стр. 227 и сл.

⁶⁶ Эта деятельность Карла до сих пор в целом не исследована. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о ней. Тем не менее хорошо известно стремление Карла к возвышению короны святого Вацлава.

⁶⁷ См. прим. № 1.

ке Козьмы при изображении Спитигнева и Бржетислава⁶⁸. Вспомним, что для их характеристики хроникер употребляет явно агиографические черты. Во времена Карла проявились и следы «харизматического представления» о Пржемысловичах, а именно в хронике Мариньелы⁶⁹. Эта работа совместно с мнимым описанием св. Вацлава как «святого крестьянина» послужила К. Гауку⁷⁰ основанием для утверждения о священном, божественном характере чешских государей. Но тезис этот совершенно несостоятелен. «Святой крестьянин» Вацлав существует лишь в фантазии, но не в источниках. К неверному выводу Гаука привела агиографическая схема о физическом труде святого князя при приготовлении гостии и вина к мессе, схема, которая к тому же получила развитие лишь позднее. Достаточно сослаться на довольно обширную литературу о св. Вацлаве, чтобы стала ясной полная несостоятельность представления о святом как о «крестьянине». Рассказ Мариньелы об орлах, которые летали вокруг Пржемысла, вообще не имеет никакой аналогии в чешских версиях сказания и, кроме того, сам Мариньела делает произвольное признание в конце своего рассказа, что это вымысел, который должен был объяснить, почему на старом гербе имелось изображение орлов (новым гербом стал лев). «Харизматический» характер легенды превращается при ближайшем рассмотрении в вымысел средневекового итальянского хроникера.

Выяснению действительного характера княжеской власти и того, как понимал ее народ, значительно больше способствуют характеристики, даваемые Козьмой. Как уже говорилось, Козьма вкладывает (по библейскому образцу) в уста Либуше явно отрицательную оценку княжеской власти как правления, основанного на грубом насилии. С таким представлением согласуется и приводимое в дальнейшем Козьмой описание (I, 19) (на этот раз оно относится уже к «историческому» периоду) насильственного введения по княжескому приказанию земской барщины.

Однако с этими явно отрицательными характеристиками княжеской власти⁷¹ контрастируют некоторые другие места той же хроники: «речи» Яромира, Бржетислава и Фабиана. «Речь» слепого Яромира, в которой он представил народу нового князя, Бржетислава, помещена в конце первой книги (I, 42) и, по существу, выражает современный церковный взгляд на власть государя. Вторая «речь», Бржетислава, которую Козьма «воспроизводит» в следующей книге (II, 13), касается введения в Чехии так называемого права первородства (*primogenitura*). Козьма здесь явно осуждает феодальную раздробленность страны, усилия отдельных Пржемысловичей править самостоятельно. Затем эта тенденция⁷² достигает апогея в третьей книге, в «речи», вложенной в уста вышеградского бурграффа Фабиана (III, 29). Здесь в хронике отчетливо проявляются две линии в оценке власти государя: согласно одной, в ней проявляется насилие, другая усматривает в сильной власти единственный залог безопасности и мира.

Эти двойные взгляды встречаются не только у Козьмы, где оба представления все же близки друг к другу⁷³, но и вообще обычны для средневековья⁷⁴. В основе их лежат противоположные оценки власти народом и феодалами (следовательно, она имеет свою классовую основу), а также древние церковные традиции, поскольку в учении церкви оба направления переплетались в течение долгих столетий. Но если не уходить за рам-

⁶⁸ Козьма II, 16—17, III, 13.

⁶⁹ FRB. III, p. 524—525.

⁷⁰ K. Hauck. *Geblütsheiligkeit (Liber Floridus, S. 106 ff.)*.

⁷¹ По той же линии идет и характеристика власти германских королей, вложенная в уста Индржиха III (II, 8. Издание Бретгольца, стр. 94).

⁷² Впрочем, она проявляется уже в сообщенной Козьмой легенде, в сравнении о трех ветвях, выросших из кнутовища Пржемысла.

⁷³ В первой книге, главы 8 и 9 (см. содержание их выше).

⁷⁴ См. статью: F. Graus. *Několik poznámek ke středověkému učení o společnosti*, которую предполагается опубликовать в *CsČH*. 1959, № 2.

ки чешской истории, то нужно сказать, что мы встретим эту двойственность не только у Козьмы, но и в житии князя Вацлава (святого), который в последующие века считался «патроном земли». С одной стороны, Вацлав изображен в житиях (так же, как Пржемысл-пахарь у Козьмы) как справедливый судья, даже как законодатель⁷⁵, с другой — он святой, который разрушал тюрьмы и виселицы, а будучи мертвым, специализировался на освобождении узников из заключения⁷⁶. Эти тенденции выступают в отдельности на первый план как в житиях с феодальными, так и в преданиях с так называемыми народными мотивами⁷⁷. Нас завел бы слишком далеко разбор этого двойного течения. Поэтому достаточно установить, что в древнейших чешских источниках встречается двоякая характеристика княжеской власти. Такая же двойственность обычна и для всей средневековой литературы. Однако ни в одном из этих двух направлений мы не находим даже самого отдаленного намека на «харизматический характер» власти государя.

Исследование первой части сказания о короле можно дополнить констатацией, что легендарный основатель династии Пржемысловичей обрисован не как воин, а как пахарь. В данном случае почти не имеет значения факт, в какое именно время в этой форме выкристаллизовалось предание. Существенным является то, что средневековые знали Пржемысла-пахаря, а не Пржемысла-воина. Впоследствии Пржемысл не стал ни патроном рода, ни патроном земли. Последним, как известно, сделался св. Вацлав. Характерно, что некоторые жития знают и Вацлава-воина⁷⁸.

Как показало изучение первой части цикла преданий, в них нельзя найти и следа какого-либо «харизмата».

Обратим теперь внимание на вторую часть сказания — рассказ о преемниках Пржемысла. Если попытаться обрисовать картину в целом, то придется заметить, что описание этих князей у Козьмы дано с явно отрицательных позиций⁷⁹. Наиболее полно в этом смысле охарактеризован Неклан, которому Козьма уделяет больше места, чем остальным. Я не могу дать здесь подробный анализ всего этого материала. Лично мне представляется бесспорным, что в данном случае перед нами обработанные мифические элементы. Для наших же целей достаточно только установить, что государи изображены в легенде отрицательно, что Неклан описан как трус, и рассказ этот не только ни в какой мере не подкрепляет «харизматическую теорию», но и прямо отрицает ее. Отметим попутно, что и в этом отношении чешские предания не составляют исключения. Подобное же отрицательное изображение государя встречается и в немецкой литературе (наиболее четко в известном стихотворении Waltharius)⁸⁰, и во многих частях французского цикла о Карле Великом⁸¹, где короли также изображены отрицательно, а нередко (подобно Неклану) и прямо как трусы.

Если исследование первых двух частей показало, что ни о каком «харизмате» не может быть и речи, то с третьей (заключительной) частью сказания дело обстоит несколько иначе. Здесь действительно встречаются

⁷⁵ Например, уже в житии *Crescente fide*, с. 5 (издание Халопецкого, стр. 498) и в дополнениях ко второй старославянской легенде о св. Вацлаве, с. 5 (ed. J. Vašica. *Sborník staroslavanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile*. Praha. 1929, стр. 91—92), X—XI столетия.

⁷⁶ Уже в *Crescente fide* — *translatio* (FRB I, стр. 183—190).

⁷⁷ См. F. Graus. *Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské*. Díl. I, стр. 67 nn.

⁷⁸ Например, у Kristiana с. 10 (издание Пекаржа, стр. 125), а у Козьмы за 1002 г., при изгнании поляков.

⁷⁹ См. примечания 38 и 39.

⁸⁰ Датировка стихотворения вновь оказалась спорной: оно относится к IX либо к X веку. См. обзор W. Stämmler. — K. Langosch. *Die deutsche Literatur des Mittelalters*. Verfasserlexikon. I, col. 527—532, IV, col. 776—788.

⁸¹ См. J. Bédier. *Les légendes épiques*. Recherches sur la formation des Chansons de Geste. 2. ed. Paris. 1914—1921.

ся особые элементы, впрочем, типичные не только для положения государя, но и для положения феодалов вообще. Те черты, которые Козьма приписывает легендарному периоду, представляют собою отчетливую феодальную идеологию «верности», хорошо известную во всей Европе. Она проявляется и в других местах хроники⁸². Именно эта идеология и смешивается ныне с «харизматом». Поэтому следует остановиться на ней несколько подробнее.

Смысл писаний Козьмы виден с первого взгляда: убийство господина является наихудшим преступлением, которое может совершить человек. В чешских источниках это не новая идея. Она отчетливо проявляется уже в так называемом первом древнеславянском житии св. Вацлава (первая половина X в.)⁸³, где читаем, что каждый, кто поднимет руку на своего господина, уподобится Иуде, предавшему Христа⁸⁴. Это провозглашение верности имеет старую церковную традицию⁸⁵, ее проповедником выступал идеолог феодалов — церковь.

Однако данная разработка Козьмы не является исключением в средневековой литературе. Она имеет свою аналогию и во французских рыцарских романах⁸⁶. Представление о том, что измена господину — самое тяжелое преступление, которое может совершить человек, было необходимо феодальному обществу потому, что основа его власти была слаба. Как только феодалы добились права наследственности ленов, они стали господами в своих владениях, в известной мере независимыми от государей, и идеологи централизованной власти должны были всемерно стремиться представить «верность» в качестве священных уз, которые должны были связывать феодалов с их представителями в лице королей. Однако результаты не были слишком значительными, в чем нас убеждает средневековая история.

Козьма, который не раз в своей хронике⁸⁷ подчеркивает «верность» подданных князю, переносит, следовательно, в «легендарный век» идеал верности в том смысле, в каком его знало феодальное общество. Тем самым он как бы включает предания в общую линию развития средневекового феодального общества, как она выступает в источниках в Чехии⁸⁸. Рассказ о Дурынке, с точки зрения проблемы, о которой идет речь, представляет интерес и потому, что в нем подчеркнута верность господину, а не какая-либо «харизма» государя. Мы сталкиваемся снова с полным отсутствием представления о королевской власти как о данной «сверху», представления, которое новое направление в буржуазной историографии пытается отыскать в далеком прошлом.

Если предшествующий анализ показал, что в старых чешских сказаниях нет и намек на «харизматический» характер княжеской власти, и, напротив, в них заметно проявляются мотивы, указывающие на то, что феодалы насильственным путем поработали свободных людей, то для объяснения представления о полусвященном характере средневековой королевской власти следует обратиться к другому источнику. Это представление не может быть первоначальным, оно появилось в результате развития; оно не может иметь своей основы в народном понимании, а было внесено извне в народ.

⁸² См., например, I, 34, 52; II, 4, 13, 22, и т. д.

⁸³ Обоснование моей точки зрения см. F. Graus. Указ. соч. Т. I, стр. 61 и сл.

⁸⁴ Text Voskotovsky (Vajs. Sborník, str. 15, 22).

⁸⁵ См., например, постановления англосакского синода 786 г. (Monumenta Germaniae. Epistolae IV, p. 19—29); синода в Моруци в 847 г. (M. G. Capitularia II, № 248, p. 177); синода в Хоенальтхайме (M. G. Leges, 2, p. 557—588) и др.

⁸⁶ Например, убил (по легенде о Жирарде де Руссильоне) ленник сына своего господина; он хуже библейского Каина (Bédier. Указ. соч. Т. II, стр. 22).

⁸⁷ Сравни, например, рассказы о верном слуге Дворе (I, 34), о наказании изменника Пркоша (II, 11), восхваление Вратислава Лансем (II, 32) и др. В легендах восславляется верный поводырь св. Вацлава Подивен (см. у Козьмы, III, 55).

⁸⁸ F. Graus. Lenní právo v Čechách. «Český lid». 39 roč. 1952, str. 67—73.

Я уже упоминал о церковном направлении, призванном служить усилению авторитета государя. Исследование этого направления завело бы нас слишком далеко. Мне хотелось бы лишь обратить внимание на тот факт, что именно в окружении Карла IV этот чисто церковный характер заметно выступает на первый план⁸⁹. Большой интерес, однако, представляет другая черта, показывающая «веру» народа в короля, которую действительно в последующих столетиях средневековья можно наглядно наблюдать.

Как я уже подчеркивал, вера в короля (она проявлялась у народов всех средневековых государств) основывалась на том, что государь вступал в споры с отдельными феодалами, «защищая» при этом «право», становясь, таким образом, почти его символом. Укреплению этой веры способствовало то, что крупные феодалы (в особенности, государи) не были связаны прямыми отношениями с крепостными. С ними имели дело (и их непосредственно угнетали) низшие представители власти. Так возникало представление о том, что только феодалы плохи, государь же сам «добр» и ничего не знает об угнетении. Воплощение в действительности эта вера нашла спустя столетия в крестьянских восстаниях, когда крепостные обращались с «петициями» к государю, прося защиты от бесправия феодалов. Культ короля поддерживала и церковь, а ее учение было в средние века весьма реальной силой.

Все эти факторы способствовали тому, что вера средневековых крепостных в короля как в заступника бедных и угнетенных стала тормозом классовой борьбы⁹⁰, распыляя ее и мешая сплочению эксплуатируемых масс. Вспомним XIV в. с его французской Жакерией и восстанием Уота Тайлера в Англии. Повсюду крепостным были присущи иллюзии о государях, к которым они обращались и удовлетворялись их обещаниями, а в результате оказывались подло обманутыми. Вспомним и гуситское движение, хотя в нем эти иллюзии не имели той силы, как в движениях во Франции или в Англии. Тем не менее эти иллюзии были характерны и для истории Чехии, так же как и для других стран.

Было бы смешно упрекать средневековых крепостных в том, что они не распознавали классового характера функций короля (государственной власти). Но если этого не делает историк, то это свидетельствует об его отсталости. Найти в проявлениях церковной пропаганды либо в подсознательной вере народной какое-либо «прастарое ядро», религиозно-священное происхождение королевской власти нельзя и потому, что эти черты определились в идеологии лишь в более поздний период. На данное обстоятельство я указывал на чешском примере.

Можно подвести итоги: «харизматическая теория» не соответствует историческим фактам. Она свойственна наиболее реакционному направлению в современной историографии. Научное исследование проблемы власти государя в средние века не только обязано обратить внимание на классовый характер государственной власти, но и должно непосредственно исходить из него.

Задача историка — научно объяснить развитие власти государя, показать реальные основы этой власти, ее конкретную классовую обстановку, но ни в коем случае не гнаться за некими «сакральными» химерами.

⁸⁹ Сравни выразительный упрек Бенеша из Вейтмиля (FRB, IV, str. 465) при убийстве последнего из Пржемысловичей, Вацлава III, где хроникер резко укоряет всех официальных лиц. «Credo, non invenient excusacionem, quia aut fuerent facti sceleris consii aut negligentes. Vere omnes filii mortis estis, qui non custoditis dominum vestrum, nec conservatis Christum Domini». Сравни, далее, F. G r a u s. Указ. соч. Т. II, стр. 278.

⁹⁰ См. там же, стр. 277 и др.